

Цецен Балакаев

Двенадцать галантных баек
про атамана
Матвея Ивановича Платова

18+

Цецен Балакаев

**Двенадцать галантных
баек про атамана Матвея
Ивановича Платова**

«Автор»

2026

Балакаев Ц. А.

Двенадцать галантных баек про атамана Матвея Ивановича
Платова / Ц. А. Балакаев — «Автор», 2026

Эта книга – как добрый чихирь: с первого глотка обжигает, со второго – теплом разливается, а с третьего – правду открывает. Эта книга о Матвее Ивановиче Платове, донском вихоре, графе и кавалере. Где он – там Россия. Где Россия – там и честь, и смекалка, и такой удар, что любо-дорого. Эти байки не из газетных вырезок и не из дворцовых хроник. Они под шашкой родились, у походного костра, под гармонь да под донской говорок. Эту книгу я собрал, чтобы не забыли: русский герой – он не только на параде и в орденах. Он и в лапсердаке донском, и с нагайкой за голенищем, и с улыбкой хитрой. И баб он уважает, но – по-своему: без лести, а с силой. И врагов не боится, но и без нужды не калечит. И парижане, и лондонцы, и берлинцы, и венцы после встречи с атаманом лишь одно шептали: «Не звери они. Совсем не звери. А может – и лучше нас». Читай, слушай, усмехайся. Утирай усы, если есть. В общем, открывай первую страницу. Платов уже коня заседлал и у фонтана в Париже стоит. Ждёт тебя.

© Балакаев Ц. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
БАЙКИ О ГАЛАНТНОМ АТАМАНЕ	6
Предисловие	6
Как атаман Платов французскую графиню «до ума доводил»	7
Как атаман Платов английскую баронессу чаем угощал	8
Как атаман Платов прусскую фрейлину орденом удивил	10
Как атаман Платов с австрийской герцогиней вальс венский валял	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Двенадцать галантных баек про атамана Матвея Ивановича Платова

Глава

Цецен Балакаев

БАЙКИ О ГАЛАНТНОМ АТАМАНЕ

Предисловие

Читатель добрый, али слушатель прилежный!

Ежели ты эту книгу в руки взял, значит – душа у тебя ещё не замерзла, не зашнуровалась в галстук по-немецкому, не спряталась под цилиндр лондонский. Чуешь в себе казачью жилку? А может, и вовсе ты казак по духу, хоть и родился в городе каменном, где лошадь лишь на картинке, а сабля – в музее за стеклом.

Не тужи. Эта книжка – она как добрый чихирь: с первого глотка обжигает, со второго – теплом разливается, а с третьего – правду открывает.

Что за правда? А та самая, которую сам Матвей Иванович Платов, донской вихорь, граф и кавалер, по всей Европе на своих казачьих плечах носил. Где он – там Россия. Где Россия – там и честь, и смекалка, и такой сабельный удар, что любо-дорого.

Эти байки, что ты прочтёшь, – не из газетных вырезок и не из дворцовых хроник. Они под лихой казачьей саблей родились, у походного костра, под гармонь да под донской говорок. Старый дядька сказывал – табак жевал, в усы посмеивался, а сам на огонь поглядывал. Врёт? Ну а кто из казаков не приврёт для красного словца? Только враки эти – во спасение от скуки, да во славу удали. Не врут, когда говорят, что Платов французскую графиню уму-разуму учил, прусской фрейлине платок подавал, английскую баронессу казачьим чаем напоил, а на Венском конгрессе вальс крутил так, что люстры тряслись.

А ещё – стихи ножиком в альбоме вырезал. Да не простые, а такие, что ни один рифмоплёт в столице не сложит.

Потому что там, где поэты перьями скрипят – там ветер один. А где казак шашкой воздух рубит – там эпоха.

В эту книгу я собрал двенадцать галантных баек для того, чтобы не забывали: русский герой – он не только на параде и в орденах. Он и в лапсердаке донском, и с нагайкой за голенищем, и с улыбкой хитрой. И баб он уважает, но – по-своему: без лести, а с силой. И врагов не боится, но и без нужды не калечит. И парижане, и лондонцы, и берлинцы, и венцы после встречи с атаманом Матвеем Ивановичем Платовым лишь одно шептали: «Не звери они. Совсем не звери. А может – и лучше нас».

Читай, слушай, усмехайся. Утирай усы, если есть. А если усов нету – душой утись.

Потому что добрая байка, братец, она не в ухо льёт – она в хребет. В общем, открывай первую страницу.

Атаман Платов уже коня заседлал и у фонтана в Париже стоит. Ждёт тебя.

Казачьи байки, рассказанные старым дядькой у костра, баенные жуя табак и посмеиваясь в усы.

Как атаман Платов французскую графиню «до ума доводил»

Было это в тыща восемьсот пятнадцатом году, когда наш государь Александр Павлович велел казакам Париж миром удивить. Атаман Матвей Иванович Платов, донской вихорь, хоть и герой, хоть и графом его сам царь пожаловал, а всё одно – казак казаком: в лапсердаке своем донском, с нагайкой через плечо, по парижским бульварам гулял, как по родному Черкасску.

И вот стоит он как-то у фонтана. Кругом французы носы вверх задрали – моды, шляпки, ахи да вздохи. А Платов коня своего вороного потрёпывает да на публику поглядывает. Вдруг – треск, шорох, запах духов на полверсты. Плывет к нему французская графиня, вся в кружевах, будто пирожное наполеоновское. Глазищами стреляет, веером трещит – прямо чума, а не барыня.

– О, мосье генераль, – говорит, нос картошкой воротит. – Это вы – знаменитый казак? А правда, что вы на конях спите и щи из пик варите?

Платов усмехнулся, шапку сдвинул набекрень.

– Правда, мадам, – отвечает. – Мы, казаки, даже во сне неприятеля рубим. А щи у нас такие, что после них французская кухня – слезами умывается.

Графиня фыркнула, веером обмахнулась.

– Говорят ещё, – продолжает ломать французскую речь, – будто вы, казаки, лазаете по горам как козы и грамоте не обучены. Например, вы и слова-то такого – «деликатес» – не знаете.

Атаман прищурился, почесал в затылке – а под шапкой лысина во всю голову, через неё Париж как на ладони видно.

– ДеликатесЪ? – переспрашивает. – Это который в Париже у вас в подворотнях вместо собак бегают? Не, мадам, мы такого не едим. Мы привыкли, чтоб сразу – сабелькой на куски да в котёл. А вы, пардон, тонкости разводите, а сами без казака в Париже – как квашня без закваски.

Графиня аж побагровела. Топнула ножкой в атласной туфельке.

– Грубиян! Мужик! Я самому императору Александру жаловаться буду!

Тут Платов нагнулся к ней, а глаза – смеются.

– Жалуйся, матушка. Только скажи: а граф твой, муженёк, где воевал? Не в Шпании ли? Говорят, он там так от шпанских партизанов бежал, что шпоры себе на пятки нацепил – чтоб быстрее было. Теперь шпанскими мушками лечится?

Графиня открыла рот – и закрыла. Потом в слёзы. Кругом французы глаза прячут – смешно им, да боязно. А Платов вдруг вынул из кармана чекмень зеленый длинный – шарф штофный, – бросил ей на плечи.

– Не плачь, – говорит. – Басурманка ты, конечно, но баба – существо нежное. Ступай, скажи своим, что казаки не звери. Но коли ещё раз кто язык на нас покажет – мы ему язык на нагайку намотаем. Вместо деликатеса.

И пошёл вразвалочку к своим донцам. Слышно только, как у костра гармонь завела да походную затянули: «Не шуми, мати зелёная дубравушка...»

А графиня эта потом уж рассказывала: никакой грубости у атамана, мол, не было. А была в нём такая сила, что ему, как царю Франции золочёные ковры под ноги стелить – и то мало. Потому что казак – он ежели с уважением, то и француз добреет. А ежели без уважения – так вмиг из Парижа бефстрогановфф сделает.

Как атаман Платов английскую баронессу чаем угощал

Значит, дело было в одна тыща восемьсот четырнадцатом году, а по-вашему – в 1814-м. Победили мы Наполеона, и царь наш Александр Павлович поехал к британцам – союзников обнимать да силу свою показать. А с ним, сами знаете, неотлучно – Матвей Иванович Платов, граф и кавалер, а по сути – наш донской батька.

Приехали в Лондон. А там туманы, цилиндры, чопорность – страсть Господня. Англичане выстроились, глядят в подзорные трубы: что за звери такие – донские казаки? Особливо одна баронесса, мисс Грей, вся в страусах, с муфтой, что сама на медведя похожа. Она при английском дворе за первую умницу слыла: пять языков знала, а на казачьем – ни «кушать», ни «выпить».

Подходит она к Платову на приёме в Вестминстере. Атаман в то время со скуки лампу медную крутил – проверял, из какого металла британцы свет льют. Баронесса ему веером под нос:

– О, генерал Платов! – говорит, а сама нос в потолок. – Мы так много слышали о ваших... гм... подвигах в снегах. Неужели вы в самом деле едите сырое мясо и спите с лошадьми?

Платов глаз прищурил, усы разгладил.

– Ваша милость, – отвечает вежливо, по-атамански. – С лошадьми мы не спим. Мы спим в седле. А лошадь – она умней иного человека: спросит разрешения, прежде чем под бок лечь.

Баронесса заморгала, не поняла – то ли смеяться, то ли в обморок падать. Но виду не подала. Тут она заметила, что Платов из своей медной фляжки отхлебнул и крякнул с удовольствием.

– Что это вы пьёте? – спрашивает брезгливо. – Неужели водку в такой час?

– Ай-яй-яй, – вздохнул Платов. – Это, мадам, простой казачий чай. По-нашему – чихирь. Английскому вашему пуншу в пояс кланяется. Не верите? Давайте угощу.

Баронесса хотела отказаться, но атаман уже поднёс ей фляжку. Ради вежливости глотнула. И тут с ней что-то случилось. Сначала она покраснела, потом побледнела, потом икнула по-английски – «извините, плиз».

– Бог ты мой! – говорит, а голос уже не чопорный. – Генерал, у вас там внутри огонь и цветы одновременно!

– А то! – обрадовался Платов. – Это наша донская роза. Трижды перегнанная, на черносливе настоящая. Лордам вашим сколько ни давали – все носом в скатерть и «Господи, спаси короля» горланят на мотив «Камаринской».

Тут баронесса вдруг пододвинулась ближе, голос понизила:

– Генерал Платов... а правда, что вы из британских солдат верёвки вьёте? У нас тут один полковник похвалялся, что он любого казака в два счёта... того...

Платов усмехнулся, сплюнул через левое плечо (метко – в плевательницу, к ужасу лакея).

– Полковник? – переспрашивает. – Это который вчера на смотру с коня грохнулся, потому что шпоры золотые в стремя попали? Скажите ему: казак не боец, пока не выпьет – это правда. Но только если он выпил – то и чёрт ему не брат. А ваш полковник, мадам, даже моего хромого хорунжего не догонит, если тот за прошлогодней бутылкой погнался.

Глаза у баронессы загорелись. Тут она и вовсе забыла про этикетки. Облокотилась на плечо атаману – ахнула: плечо железное, как у кузнечного меха.

– А возьмите меня в казачки? – шепчет вдруг. – Я брошу своего лорда, поеду с вами на Дон. Я умею... ну... веером махать. А веером можно и коня напугать?

Платов поперхнулся, закашлялся. Погладил усы.

– Мадам, – говорит строго. – Мы, казаки, баб в поход не берём. От них шуму больше, чем от картечи. Но ежели вы так настроены, запишитесь в прачки при полку. У нас одна прачка,

баба Глаша, в прошлом году французского генерала корытом зашибла. Будете у неё в подчинении.

Баронесса обиделась было, но тут подали ужин. Англичане едят чинно: по горошинке, ножичком, в три приёма. Платов же взял тушёного гуся прямо рукой, откусил и сказал:

– Гут, мадам, гут. Только вот чего я не пойму: вы – люди богатые, флот у вас, парламент. А хлеб у вас – как вата. И сыр дырявый. Как вы с таким провиантом Наполеона побеждать собрались? Мы бы в одну зиму с одними сухарями все ваши туманы развеяли.

Баронесса не выдержала – захохотала в голос. Слезы по щекам, страусы трясутся. Лорды окрестные рты раскрыли: ни разу её таковой не видали.

Тогда Платов встал, достал из-за голенища нагайку – не грозно, а так, ради жеста.

– А вот что, мадам, – говорит. – Приезжайте к нам на Дон-батюшку. Я вас научу без вилки кушать, спать в стогу и с утра пораньше шашкой воздух рубить. А к осени из вас такой атаман выйдет – сам герцог Веллингтон в ножки поклонится.

Баронесса улыбнулась и вдруг серьёзно так:

– А не врёт, генерал?

Платов руку на сердце положил:

– Спросите любого казака. Кто из нас в Бородинском деле французского орла сцапал? Я. Кто сапоги в Англии всюду носит? Я. А кто врёт? – Подумал секунду и добавил с хитрецей: – Врут только англичане, когда говорят, что у них лучший в мире ром. А у нас чихирь – божественный напиток. И вы только что тому свидетельница, мадам.

Баронесса, к общему изумлению, чокнулась с атаманом фляжкой и сказала по-русски с ужасным акцентом:

– За Дон! За волю! И чтоб ни один лорд не командовал, кем не положено.

С той поры в Лондоне долго шептались: будто бы английская баронесса на старости лет три шубы казачьи выписала, иконку Святого Николая в угол повесила и каждую среду пила чай не с молоком, а с доброй донской перцовкой. И когда соседи её спрашивали: «Миледи, вы ли это?» – она отвечала: «Я, да не та. Пока казак меня уму-разуму не научил».

А на что Матвей Иваныч говаривал, посмеиваясь:

– Вот, царь-батюшка, и Лондон наш стал. Потому что где казак – там и Россия, а где Россия – там и правда. А правда, она, братцы, и в тумане видна, ежели с добрым чихирем да с открытым сердцем.

Утирай усы, слушатель. Байка – не враньё, а налёт на скуку. Быльём поросло, а душу греет.

Эх, любо! Слушай да усмехайся.

Как атаман Платов прусскую фрейлину орденом удивил

Значит, год тот же – одна тысяча восемьсот четырнадцатый, хвост зимы, начало весны. Наполеона погнало, немцы освободились и так обрадовались, что чуть собственных королей не расцеловали. Наш Александр Павлыч заехал в Берлин – с прусским королём Фридрихом Вильгельмом обняться, мир скрепить да казаков на смотр вывести.

А при прусском дворе, сами знаете, порядок: выправка, скрип сапог, и чтобы ни-ни – никакой вольности. Особенно одна фрейлина, фрейлейн фон Кнопка – так её Платов про себя прозвал: маленькая, злая, в рюмочку, а взгляд – как штык. Она при королеве за чтеца и за острый язык отвечала. Про казаков наслышана была – аж зубы сводило. «Дикие орды, – говорила, – скифы, никакого понятия о культуре».

Ну вот, устроили приём в королевском дворце. Всё по-немецки: чинно, постно, свечи горят, лакеи ходят, будто аршин проглотили. Платов в своём обычном – чекмень донской, папаху набекрень, при сабле на витом шёлковом темляке, при орденах – а их у него, сами знаете, как меток на степной версте. Стоит у колонны, рассматривает потолок – лепнина там, амуры, гирлянды.

– Очень мило, – бормочет. – Но ежели с нашего собора в Новочеркасске взять, так у нас амуры покрепче будут – с саблями и с усами.

Тут эта самая фрейлейн фон Кнопка подплывает. Платье шуршит, кружева, на голове – что-то вроде гнезда аиста с драгоценными яйцами. Увидела атамана и застыла, нос картошкой в потолок.

– Ах, это и есть знаменитый... господин... атаман? – спрашивает по-французски, чтоб никто из немцев не понял, как она с казаком говорит.

Платов снял папаху, поклонился по-русски: в пояс, аж полы скрипнули.

– Матвей Платов, граф, кавалер многих орденов, а для простых людей – атаман. А вас как величать, сударыня? Баронесса фон... как вы сказали? Не выговоришь.

Та побагровела.

– Фон Кнопке! – отчеканила. – И я фрейлина её величества королевы Пруссии.

– О, Кнопка! – обрадовался Платов. – Это по-нашему – пуговка. Хорошая фамилия. У нас на Дону таких пуговок – каждый второй урядник. Только они больше пряжками командуют.

Фрейлина задохнулась от такой наглости. Но взяла себя в руки, усмехнулась кисло:

– Господин атаман, а правда ли, что ваши казаки в Берлине таскают из лавок всё, до чего дотянутся? Вчера у одной бургерши пропал... гм... индюк. И, говорят, с садовой тачкой.

Платов глаз прищурил. Осмотрел фрейлину с головы до пят. Потом вздохнул.

– Неправда, сударыня. Мы индюков не крадём. И садовых тачек мы не признаём – потому как казак с тачкой – это как рыба без воды: смех да и только. А что до ваших бургерш... – тут атаман голос понизил, – вы бы лучше спросили, сколько мундиров прусские офицеры у французов в обозе потеряли, пока мы их за Можайском отбивали.

Фрейлейн фон Кнопке аж поперхнулась.

– Как вы смеете! Прусский офицер – это... дисциплина! Доблесть! А вы, казаки, даже строиться не умеете!

– А зачем нам строиться? – удивился Платов. – Мы рассыпным строем. Как дождь. Попробуй, стройся против дождя. Он тебе и так и эдак за шиворот зальёт. Так и мы. А что до доблести... – он полез за пазуху и вытащил старую, потёртую награду, что-то вроде креста. – Вот, смотрите. Это я ещё при Суворове через Альпы шёл. А ваш братец, говорят, барон фон Кнопке, под Йеной в плен сдался со всем полком. Чем не доблесть?

Тут фрейлина побелела как мел. Она как зашепчет, как зашипит:

– Это ложь! Мой брат – герой! Он ранен, он...

– Ранен? – перебил Платов ласково так, по-отечески. – А я слышал, он в Париже потом в ресторанах кутёжил с французскими актрисками. У нас таких героев на конюшне держать стыдно.

Вокруг стало тихо. Король прусский насторожился, Александр Павлович отвернулся, чтобы не засмеяться. А фрейлейн фон Кнопка вдруг всхлипнула. Слеза скатилась по напудренной щеке, драгоценное гнездо на голове покосилось.

Платов, глядя на это, крикнул. Полез в карман, вытащил чистый платок – казачий, с донской вышивкой – и протянул.

– Натё, вытритеесь, баронесса-пуговка. Я зла не держу. Вы – баба образованная, а мы люди простые. Но ежели мы за кого воюем, то до последней капли. Нам же, пруссаки, спасибо скажите, что мы Наполеона погнали. А братцу вашему передайте: пусть лучше дома сидит, а не казаков порочит. Потому что казак – он не гордый. Он сначала саблей машет и пикой колет, а потом разбирается: кто прав, кто виноват.

Фрейлина молчала. Потом взяла платок, вытерла слёзы и вдруг спросила тихо:

– А вот тот орден... у вас на груди... серебряный... что это?

– Это? – Платов погладил крест. – Это за Бородино. Там, сударыня, не было ни индюков, ни тачек. Там было такое, что вашим прусским капралам и не снилось. Земля горела, кони летали, а мы – ни шагу назад.

Фрейлейн фон Кнопка посмотрела на него, вздохнула и сказала – тихо-тихо, чтобы никто не слышал:

– Знаете... я думала, вы звери. А вы... как люди. Даже лучше.

Платов хмыкнул, нахлобучил папаху.

– Мы, мадам, не звери и не ангелы. Мы – казаки. А казак – он и в Берлине казак, и на Дону, и у чёрта на куличках. Будете в наших краях – заходите. Чихиря нальём, песню споём. А ежели братец ваш опять в плен захочет – так мы и его научим, как сдаваться с честью.

Тут подошёл Александр Павлович, взял Платова под локоть и шепнул:

– Матвей Иванович, ну что ж ты королевских фрейлин до слёз доводишь? Опять дипломатию ломаешь?

Платов развёл руками:

– Ваше величество, а я что? Я её утёр, успокоил. Даже в гости позвал. Какой же я враг? Я – друг. Только дружба наша, казачья, – она не из сахара, а из стали.

И ушли они – царь с атаманом – ужинать. А фрейлейн фон Кнопка до самой ночи ходила по залу и всё повторяла про себя: «Платов... граф... казак... а платок-то чистый, накрахмаленный. Не дикие. Совсем не дикие».

Наутро она велела своему камердинеру достать книжки про донских казаков и с той поры читала их тайком, как любовные романы. А старшему сыну купила игрушечную сабельку. «На всякий случай, – говорила, – чтоб знал, кто есть кто на земле».

Вот, а ты говоришь – пруссаки, фрейлины. Казак везде казака найдёт. И утрёт, и научит, и орденом удивит. Потому что настоящая сила – она не в мундире и не в титуле. А в том, кто готов последнюю нагайку отдать за друга, а первую пулю – за правду.

Как атаман Платов с австрийской герцогиней вальс венский валял

Вот четвёртая байка – про Венский конгресс. Там уж не до шуток: дипломаты, императоры, интриги. Но казак – он и на балу казак. Держи, слушай, усы в кулак.

В одна тыща восемьсот четырнадцатом, уже после Парижа, съехались все цари да короли в Вену – мир делить да Наполеонову постель препарировать. Там, на конгрессе, сам Меттерних главный, у него каждая ложка по нотам звенит. И наш Александр Павлович – при всех регалиях, при флигель-адъютантах. Ну и Платов – куда ж без него? Он, правда, на заседания не ходил – скучно ему там, одна дипломатия пахнет потом и французскими духами.

Но бал – другое дело. Бал австрийский – это вам не в Париже шаркать, не в Лондоне чопорно сопеть. В Вене танцуют так, что люстры трясутся, а у лакеев икры сводит от восхищения. И вот пригласили нашего атамана во дворец Хофбург. А там – зеркала, мрамор, хрусталь, а посреди всего этого великолепия вьётся одна герцогиня, фон Шварценберг, но по-простому – дукесса Австрийская. Молодая, статная, бюст – как два холма под Полтавой, а глаза – синие-синие, будто в них Балтийское море замёрзло.

Вот она видит Платова. Он в простом, но при сабле и с усами. Папаха набекрень, и весь он – как скала над Дунаем. Герцогиня веером – хлоп! Подлетает к нему, свита едва поспевает. Говорит по-французски – по-немецки-то он ни бельмеса, а по-французски после Парижа малость кумекал, но с акцентом донским, будто чихирь через край льёт:

– О, граф Платов! Неужели вы танцуете? Или казаки только рубятся и пьют?

Платов усмехнулся в усы, поправил папаху, будто собирается в атаку.

– А почему ж не танцевать, ваша светлость? Казак на все руки: и саблю наголо, и даму за талию. Одно скажу: вальс ваш, венский, больно крутенький. Как лава наша казачья – только в другую сторону.

Засмеялась герцогиня. Звонко так, аж лакей из-под колонны выронил поднос с шампанским.

– Ну так давайте! – говорит. – Удивите Вену!

И тут оркестр – бах! – вальс самый венский, будто вихрь. Все расступились. Дамы ахнули. Кто-то прошептал: «Боже, сохрани императора!»

Платов взял герцогиню за талию, а талия – во! не обхватишь, как дубовую бочку, но ладную, казачью бы сказали – в разбег. И понеслись.

Сначала чинно-благородно. Потом Платов как крякнет:

– Эх, не могу тормозить! Пошла, родимая! – и завертел герцогиню так, что её кружевные панталоны показались всей австрийской дипломатии.

Меттерних уронил монокль в пунш. Александр Павлович зажал рот платком, дабы не заржать по-гвардейски. А казаки, что в дверях стояли – дежурили, значит, напевать начали: «Ой, при лужку, при лужке, при широком поле...»

Герцогиня сначала визжала – от страха или от радости, не поймешь. Икры у неё замелькали белые, ленточки с тувель послетали, а Платов только подбадривает:

– Держись, ваша светлость! Это не Березина, тут переправляться легче!

И как крутанет в последнем такте – герцогиня в его объятиях и оказалась. Фон Шварценберг лежит на донской груди, вся красная, запыхавшаяся, а вокруг – тишина. Дамы веерами обмахиваются, кавалеры рты раскрыли.

Тут герцогиня выдохнула и сказала так, что все услышали:

– Господин атаман... я была замужем дважды. Но вальс с казаком – это третий брак, которого у меня никогда не было, но жалеть о нем я не буду.

Платов осторожно поставил её на паркет, поклонился, шаркнул ногой, а сапог скрипит так, что слышно в Праге.

– Ваша светлость, – говорит, – приходите на Дон. Там мы такой вальс устроим, что кони сами в пляс пойдут. А пока – извиняйте: роба ваша итальянская, но сердце у вас – казачье. Чует моя стариковская душа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.